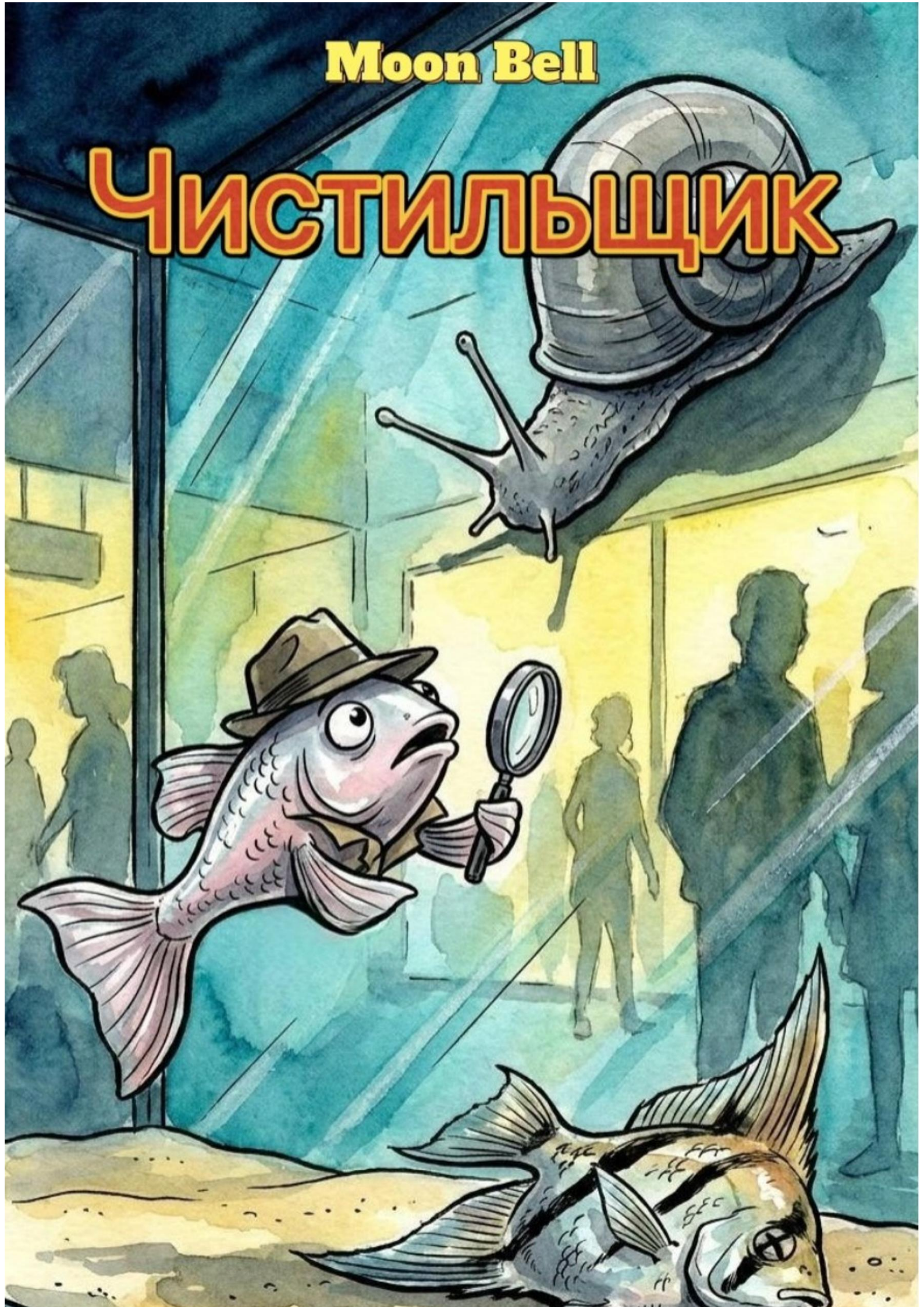

Moon Bell

ЧИСТИЛЬЩИК

Moon Bell

ЧИСТИЛЬЩИК

«Автор»

2026

Bell M.

Чистильщик / M. Bell — «Автор», 2026

Чистильщик нашёл труп. Детектив получил дело. Улитка получила всё. Аквариум торгового центра — идеальное место для преступления. Тысячи свидетелей — и ни одного, кто хоть что-то видел. Когда чистильщик Ксанф Хвощ обнаруживает тело скалярии в системе фильтрации, он делает то, что всегда: убирает. Молча. Без вопросов. Но на следующий день Ксанф исчезает. А его напарница, улитка Глист, начинает вести себя странно. Даже для улитки. Расследование сваливается на Финли Макса — гуппи, которого коллеги прозвали «Тефлон», потому что все дела от него отскакивают. У Финли свои причины не лезть: двенадцать лет назад в этом же аквариуме погиб его отец-детектив. Но теперь прошлое не отскакивает. Оно прилипает. Финли спустится в заброшенные тоннели старой бойни, допросит пираний и встретится с тем, кто помнит запах страха. Говорят, этот запах похож на огурец. И на правду. «Чистильщик» — детектив, где одна маленькая чешуйка может стоить жизни.

© Bell M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто чистит	5
Глава 2. Самый безопасный детектив	7
Глава 3. Патолог с голодным взглядом	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Moon Bell

Чистильщик

Глава 1. Тот, кто чистит

Ксанф Хвощ не любил слово «труп». Оно было слишком человеческим. Слишком сухим для мира, где всё происходит в толще воды. Здесь говорили «остывшая», «поплывшая вверх брюхом» или, если хочешь быть вежливым, «перешедшая в осмос». Но когда в восемь утра, на первой чистке цикла, он засунул резиновую перчатку в заборник фильтра третьей секции, то понял: это труп.

Он проработал чистильщиком в «Жемчужной лагуне» четыре года, три месяца и двенадцать дней. За это время он вытащил двадцать три мёртвых рыбы, девять улиток, одного креветка-отшельника и детскую игрушку «Непотопляемый Боб», которая забила помпу и едва не затопила магазин электроники «Эльдорадо» на первом этаже. Но такого он ещё не видел.

Тело застряло в решётке так, будто его специально просунули с другой стороны. Крупная самка скалярии, возраст около пяти лет, серебристая с чёрными полосами — породистая. Брюшные плавники аккуратно сложены, глаза открыты, но внутри жабр — что-то белое, похожее на налёт. Ксанф потянул за хвост. Тело не поддавалось. Тогда он перерезал решётку спецкусачками — тихий щелчок, металл поддался — и вынул рыбу целиком.

В этот момент он допустил ошибку. Ему следовало вызвать аквариумную полицию. Есть протокол: любая смерть в коммерческом аквариуме объёмом более 40 000 литров — расследование. Но Ксанф был из тех, кто чистит тихо. Кто не задаёт вопросов. Он засунул тело в чёрный мешок для биологических отходов и поплыл в техническую зону.

По пути мимо проплыла стайка неонов — сине-красные вспышки, как праздничная гирлянда. Они не обратили на него внимания. Рыбы никогда не обращают внимания на чистильщика. Это была его суперсила и его проклятие.

Техническая зона находилась за декоративной стеной «Затонувший храм майя». Люк был замаскирован под жертвенный камень. Ксанф знал код: 1809 — год рождения аквариумистики как науки. За люком начинался лабиринт труб, отстойников, нагревателей и ламп УФ-стерилизации. Там пахло озоном и старым пластиком. Там не было растений. Там не было жизни. Только шум воды.

Он положил мешок на стол для вскрытия — мраморную плиту, оставшуюся ещё с тех времён, когда в этом здании была мясная лавка. Ксанф знал эту историю: торговый центр «Жемчужная лагуна» открыли в 1998-м на месте скотобойни «Красный луч», которая работала с 1965-го. Бойню закрыли из-за вспышки ботулизма. Говорили, что под фундаментом до сих пор есть слой жира, который не разлагается.

Он разрезал мешок. Тело скалярии лежало на боку. Ксанф надел очки с увеличением — старый армейский рефлекс, неистребимый. Он служил в полиции коралловых рифов до того, как ему перебили челюсть в перестрелке из-за контрабанды цианида. Тогда он был лейтенантом Хвощ, лучшим следователем по манящим крабам. Теперь он просто чистильщик.

Он открыл жаберную крышку пинцетом. То, что он увидел, заставило его отодвинуться.

Внутренняя поверхность жабр была покрыта мелкими пузырьками. Не воздуха — пузырьками слизи, затвердевшей в сферы. И в каждой — крошечная чёрная точка. Это походило на икру, но икра не бывает твёрдой. Ксанф тронул один пузырёк скальпелем. Он лопнул с едва слышным шипением, и на лезвии осталось маслянистое пятно. Запах — горький, сладкий, одновременно знакомый и чужой.

— Сухой удушник, — прошептал он.

Этого не могло быть. Сухой удушник — байка, которую рассказывают мальчикам в аквариумных школах. Яд, который заставляет воду казаться воздухом. Жертва начинает дышать чаще, захлёбывается, но не водой — собственным страхом. Смерть наступает от разрыва капилляров в мозге. Никто никогда не доказывал его существование, потому что для синтеза нужна технология закрытых систем — а они есть только в больших аквариумах.

Кто-то из своих.

Ксанф закрыл жаберную крышку. Он должен был сообщить. Вместо этого он взял телефон — старый «Нокан», водонепроницаемый, с клавишами — и написал одно сообщение:

«Глист. У нас труп. Скалярня, самка, лет пять. Не трогай его. Я иду к тебе».

Отправил. И тут же пожалел.

Потому что Глист была улиткой. А улитки не читают сообщения — они их чувствуют вибрацией. И если Глист ответила — а она ответила через три секунды, что для улитки физически невозможно, — значит, она уже знала.

«Жду».

В этом коротком слове было что-то неправильное. Ксанф почувствовал это затылком — там, где у цихлид расположен орган равновесия. Он резко обернулся. Техническая зона была пуста.

Но на полу, в пыли, оставшейся от бойни, был след. Не его, не рыбий. Длинная, слизистая дорожка, которая вела к выходу.

Глист была здесь. Не тогда, когда он вытаскивал тело. А до.

Она смотрела, как он работает. И не вмешивалась.

Ксанф медленно поплыл к выходу, но на полпути лампы УФ-стерилизации погасли. Одна за другой. Три щелчка — и темнота. В темноте он услышал голос. Не слова — модуляцию. Вибрацию, которая складывалась в звук, а звук — в фразу:

«Ты не должен был брать её, Ксанф. Ты чистильщик. Твоя работа — делать так, чтобы ничего не было».

Он открыл рот, чтобы ответить, но не смог. Его жабры свело судорогой. Кто-то впрыснул что-то в воду. Горький, сладкий — тот же запах. Сухой удушник. Но не смертельная доза — парализующая.

Падая на бетонный пол технической зоны, Ксанф успел подумать только одно: «Я знал, что Глист слишком быстро размножается».

А потом было темно.

Глава 2. Самый безопасный детектив

Финли Макс проснулся от того, что его лицо лизал осётр.

— Вставай, Тефлон. У нас проблема.

Осётр был сержантом Барбусом Шиндлером — тридцатикилограммовый рыбина, который терпеть не мог Финли, но вынужден был работать с ним, потому что тот был единственным, кто не воровал улики.

— Я не Тефлон, — пробормотал Финли, отлепляясь от камня, на котором спал. — Тефлон — это покрытие. А я...

— Ты — то, от чего всё отскакивает. Дела, повышения, женщины. Даже вода от тебя отскакивает, что для рыбы нонсенс. Вставай. Пропал чистильщик.

Финли открыл глаза. Он жил в старом коралловом лабиринте — декорация из зоны «Пираты Карибского моря», которую снесли три года назад, но оставили несколько камней для мальков. Финли любил это место, потому что здесь никто не плавал выше среднего уровня. Здесь было безопасно. А Финли боялся высоты. Не воды — высоты. Глубины его не пугали, но если он поднимался выше трёх метров от дна, у него начиналась паника. Он видел дно, но не видел потолка. Стекланный потолок, за которым ходили люди. Люди с сетями.

— Какой чистильщик? — спросил он, хотя знал всех трёх.

— Ксанф Хвоц. Старая цихлида. Не явился на утреннюю смену. Его напарник, улитка Глист, сообщила в диспетчерскую.

Финли поморгал. Ксанф Хвоц. Он слышал эту фамилию. Где-то в детстве, в тех обрывочных воспоминаниях, которые он запретил себе анализировать. Отец что-то говорил про Хвоцей. Что-то вроде «если видишь Хвоца — плыви в другую сторону». Но тогда отец был жив.

Он поплыл за сержантом, нехотя, всем телом выражая нежелание. Но внутри, в том месте, где у гуппи бьётся крошечное, частое сердце, зажглась тупая искра. Он не хотел расследовать пропажу. Он хотел понять, почему при упоминании фамилии Хвоц у него дрожит спинной плавник.

Техническая зона встретила их тишиной. Лампы не работали. Пахло озоном и чем-то ещё — Финли наморщил нос, но не узнал запах. Барбус светил фонарём — мощным ксеноновым, который он отжал у аквариумных следователей два года назад и так и не вернул.

— Смотри, — сказал Барбус.

На полу лежал чёрный мешок. Пустой. Рядом — мраморная плита со следами слизи. И одно единственное, выцарапанное на металле слово:

«НЕ ИЩИ».

Финли перевёл взгляд на систему фильтрации. Она работала вхолостую, без регулировки. Если Ксанф ушёл сам, он бы настроил её на ночной режим. Значит, его унесли.

— Это не пропажа, — сказал Финли тихо. — Это похищение.

— Откуда ты знаешь? Ты же Тефлон. У тебя все дела отскакивают.

— Именно поэтому, Барбус. Потому что я не лезу. А если я говорю, что это похищение, значит, я хочу, чтобы вы закрыли дело и оставили меня в покое.

Он солгал. Он хотел прямо противоположного. Он хотел узнать, что случилось с Ксанфом, потому что подсознательно чувствовал: где Ксанф — там ответы о том, что случилось с его отцом двенадцать лет назад.

Но он не мог этого признать. Не мог даже себе.

Он подплыл к плите и провёл плавником по слизи. Она была свежей. И не рыбьей. Слишком вязкой, слишком холодной. Он лизнул её — глупо, по-мальковски, — и почувствовал вкус металла и горечи.

— Зовите патолога, — сказал он. — И скажите Глист, чтобы пришла. Я хочу с ней поговорить.

Барбус хмыкнул.

— Глист не придёт.

— Почему?

— Потому что Глист исчезла сразу после того, как сообщила о пропаже. Улитки не исчезают, Финли. У них нет ног. Но Глист исчезла. Бесследно.

Финли посмотрел на темноту технической зоны, где еще минуту назад ему мерещились тени.

— Тогда у нас не одно похищение, — сказал он. — У нас два.

— Или одно, — поправил Барбус, — и Глист — не жертва.

Финли ничего не ответил. Он просто закрыл глаза и попытался представить, что бы сделал его отец. Но вместо образа отца перед ним всплыло другое: стеклянный купол торгового центра, люди с сетями, и он, Финли, маленький гуппи, который смотрит на них снизу и боится.

Он всегда боялся. Но сейчас страх был другим. Сейчас он боялся, что правда окажется хуже, чем он думал.

Глава 3. Патолог с голодным взглядом

Доктор Пятиногий Регент, известный в узких кругах как «Звезда-Садист», прибыл через сорок минут после звонка. Это считалось рекордной скоростью, потому что звёзды не плавают — они ползают. Регент был морской звездой старой закалки: медленный, въедливый и с нездоровым интересом к тому, как разлагаются ткани.

— Ты убрал тело? — спросил он у Финли, даже не поздоровавшись.

— Какое тело?

— То, которое нашёл чистильщик. Ты что думаешь, я поверил, что Хвоц просто испарился? Он нашёл труп. Это все знают. В аквариуме нет секретов, Финли. Только информация, за которую не заплатили.

Финли вздохнул. Он ненавидел, когда патологи оказываются умнее детективов.

— Скалярия. Самка. Около пяти лет. Брюшные плавники аккуратно сложены — это значит, её не бросали, а положили. И в жабрах пузырьки.

Регент замер. Для морской звезды это означало, что он шокирован.

— Пузырьки? Ты уверен?

— Я не уверен. Ксанф был уверен. А потом пропал.

Регент медленно пополз к мраморной плите. Он протянул один луч к поверхности, потом резко отдернул.

— Сухой удушник, — сказал он без тени сомнения. — Я видел такое однажды. В 1994-м. На бойне. Ещё до того, как её закрыли. Они использовали его, чтобы рыба не брыкалась перед забоем. Только это была не рыба. Это был скот. Но принцип тот же.

Финли почувствовал, как холодок проходит вдоль позвоночника.

— Ты хочешь сказать, что кто-то в этом аквариуме знает технологию бойни, которая закрылась до того, как я родился?

— Я хочу сказать, — Регент подполз ближе, и Финли заметил, что один из его лучей неестественно выгнут — старая травма, — что твой отец тоже расследовал дело с сухим удушником. За три дня до своей смерти.

Тишина в технической зоне стала плотной, как желе.

— Откуда ты знаешь про моего отца?

— Потому что я вскрывал его, Финли. Ты не знал? Я держал его в своих руках. Или в лучах, неважно. У него в жабрах были такие же пузырьки. Только он не задохнулся. Его убили механически — удар тупым предметом по голове. А пузырьки появились уже после. Кто-то вколол яд в труп, чтобы замести следы. Чтобы полиция подумала: «А, ну да, сухой удушник, закрытое дело». Но я не подумал. Я просто промолчал. Потому что мне заплатили.

Финли хотел ударить звезду. У него даже плавник дёрнулся. Но он сдержался.

— Кто заплатил?

— Не знаю. Конверт принесли ночью. В конверте были черви — моя любимая еда. Я не спрашиваю у червей, кто их послал. Я их ем.

Регент замолчал. Финли смотрел на него и понимал, что ненавидит этого старого, медленного, честного в своей продажности патолога. Но именно поэтому он верил каждому его слову.

— Где тело скалярии? — спросил Регент.

— Ксанф его забрал. А потом Ксанфа забрали.

— Значит, тело всё ещё здесь. В технической зоне. Просто в другом месте.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, — Регент указал лучом на систему вентиляции, — если бы тело вынесли, запах удушника остался бы в трубах. А я его не чувствую. Значит, тело в герметичном контейнере. И таких контейнеров в технической зоне всего три. Идём.

Они нашли тело через девять минут. В резервуаре для биоотходов №3, замаскированном под старый аквариумный нагреватель. Скалярия лежала в формальдегидном растворе, но пузырьки в жабрах сохранились. Регент присвистнул (звезды не свистят, но Финли точно слышал этот звук) и сказал:

— Это не Миранда Скаттергуд, — сказал он. — Я знал Миранду. У неё был шрам на левом глазу от столкновения с декоративным сундуком в 2019-м. У этой рыбы нет шрама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.